

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2005.

3. Йокояма О.Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М. : Яз. славянской культуры, 2005 (Studia philologica).

4. Миргородская В.В. Содержание отношения идентификации в системе сложного синтаксического целого // Программы лингвистики текста в культурологическом освещении : межвуз. сб. науч. тр. Таганрог : ТГПИ, 2001. С. 76 – 90.

5. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание» : учеб. пособие. Таганрог, 1996.

Peculiarities of complex syntactic whole system formation with nominative identification

Complex syntactic whole systems with identification make three semantic varieties of denotative, significant and nominative identification. The first ones establish denotation identity to itself, the second define notion essence with the help of a similar notion, the third define names' identity with the same denotation. The article deals with complex syntactic whole with nominative identification.

Key words: *complex syntactic whole, identifying relations, nomination, language code.*

О.Г. ДУБРОВСКАЯ
(Тюмень)

КОНТЕКСТ КАК ФАКТОР ГИБРИДИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ

Рассматривается проблема необходимости учета ситуативного контекста как фактора, способствующего гибридизации коммуникативных стилей в границах одного и того же дискурса.

Ключевые слова: *контекст, коммуникативный стиль, прямая/непрямая коммуникация.*

Наше исследование посвящено коммуникативным стилям общения, в частности выявлению условий гибридизации комму-

никативных стилей и изучению фактора ситуативного контекста как важного компонента, детерминирующего смешение стилей в реальной ситуации общения. Материалом работы послужили тексты разных жанров: речи постоянных представителей России, Грузии, США при ООН В. Чуркина, И. Аласани, З. Халилзада на заседаниях Совета Безопасности ООН (10 августа 2008 г.), интервью политических деятелей России, Грузии английскому телеканалу ВВС в программе “Hardtalk” (12.08.08 и 14.08.08 соответственно), а также выступления первых лиц России и США. Из-за ограниченного объема статьи мы приведем наиболее показательные примеры.

Проблема взаимосвязи контекста и языка в теории межкультурной коммуникации, как известно, исследовалась Э. Холлом [10], Г. Хофстеде [13]. В своих работах авторы изучают влияние «контекста культуры» (context of culture) и «культурных измерений» (cultural dimensions) на процесс, течение и результат коммуникации. В зарубежной теории межкультурной коммуникации к настоящему времени выработана типология коммуникативных стилей общения, позволяющая объяснить особенности вербального поведения представителей разных культур. Идея Э. Холла о существовании двух контекстов культур (культур высокого и низкого контекста) способствовала теоретической дифференциации стилей и описанию таких стилей, как low-context / high context communication; direct / indirect verbal interaction styles; person-oriented / status-oriented verbal styles; self-enhancement / self-effacement verbal styles; talk / silence; topic-comment / comment-topic style; feminine / masculine [15; 16].

На разнообразном фактическом материале исследователями ведется поиск языковых маркеров, типичных для каждого из стилей, выявляется взаимосвязь между типом культуры и национальным коммуникативным стилем (например, [6; 7]). В целом принято полагать, что *низкоконтекстные* культуры ориентированы на прямой стиль общения, тогда как культуры *высокого* контекста актуализируют непрямой способ оформления мысли, высокий уровень дистанцированности, статусно-ориентированное общение; для них свойственны элементы самопринижающе-

го стиля, фемининные черты, полихронность, оформление ментального пространства по модели «комментарий – тема» и др. [7; 15].

Вербальный стиль *низкоконтекстной* коммуникации, как отмечает Л.В. Куликова, несет на себе отпечаток индивидуалистских ценностей и линейного логического способа мышления: «Это, как правило, прямой эксплицитный стиль, ориентированный на адресанта. Говорящий стремится наиболее точно, ясно и прямолинейно выразить свое мнение, мысли и интенции, вербально эксплицировать всю релевантную информацию, чтобы слушающий мог понять ее достаточно однозначно, не прибегая к интерпретациям и домысливанию» [6, с. 149]. Коммуникация, детерминированная стилем *высококонтекстной* культуры, ориентирована, как отмечает автор, на получателя сообщения, адресата. К его компетенции относится умение «читать между строк», самостоятельно интерпретировать сказанное. В общение «вплетены» социальные нормы и роли, статус коммуникантов, характер отношений между ними и др. Непрямой коммуникативный стиль проявляется в скрытых намеках, иносказательности, образных сравнениях, расплывчатости и неконкретности речи, избытию некатегоричных форм высказывания и др. (Там же).

Как отмечают некоторые отечественные исследователи, категорическое причисление России к «высококонтекстным культурам» вряд ли оправдано без масштабных экспериментальных исследований, однако имеющийся эмпирический материал обнаруживает большое количество признаков, свидетельствующих о том, что русскую культуру на фоне немецкой можно назвать высококонтекстной» [7, с. 69]. В этой связи важно отметить, что изучение коммуникативных стилей в работах исследователей проводится на так называемом «уровне культуры», который, действительно, сформирован наиболее доминантными чертами культуры, выделенными с высокой долей генерализации и находящими свое подтверждение в шкале культурных измерений Э. Холла и Г. Хофстеде.

Однако, по нашим наблюдениям, основанным на практическом материале, можно говорить о гибридизации коммуникативных стилей в рамках одной культуры. С этой точки зрения коммуника-

цию необходимо рассматривать как сложный процесс и результат обмена информацией и конструирования смыслов, в котором участвуют не только процессы восприятия речи, но и процессы декодирования смыслов, протекающие в определенных условиях, в определенной ситуации общения. Перспективным в этом отношении, на наш взгляд, оказывается применение понятия «контекст», «ситуативный контекст» в частности.

От первичного значения «соединять части в целое» понятие «контекст» расширилось до современного понимания контекста как совокупности компонентов, предшествующих фрагменту текста и определяющих его или следующих за ним, а также для обозначения обстоятельств, имеющих отношение и актуальных для предмета высказывания. Контекст – это: 1) соединение, процесс соединения, связи (the act of composition, of bringing together parts of language into meaningful utterances or written texts); 2) условия, благодаря которым высказывание обретает определенный смысл (conditions under which meaning is attributed to a stretch of language); 3) окружение, определяющее специфику предмета речи (the enviroing and surrounding conditions of a specified object) [9, с. 4 – 5].

В настоящее время контекст известен в искусстве и архитектуре, психологии, педагогике, лингвистике, математической логике, в теории межкультурной коммуникации и др. Однако изучение взаимосвязи контекста и языка началось в социальной антропологии и связано с именем Б. Малиновского. Со времен Б. Малиновского изучению контекста посвящено значительное количество литературы. Большую объяснительную силу имеют модели и теории контекста М. Халлидея [11], Д. Хаймса [14], коммуникативное, прагматическое и семиотическое измерения контекста Б. Хатима [12], теория контекста Р. Дилле [9] и др. В отечественной научной мысли наиболее известны лингвистические теории контекста, разработанные в разные периоды такими учеными, как Н.Н. Амосова [1], В.Г. Гак [2], Г.В. Колшанский [5], В.Я. Мыркин [8].

Анализ теоретической литературы, посвященной проблеме взаимосвязи контекста и языка, свидетельствует о целесообразности изучения контекста как трехчастной структуры, сформированной

1). уровнем культуры как моделью поведения, 2) особенностями личности, участвующей в коммуникации, ее социальной ролью и намерениями, а также 3) общечеловеческими нормами, принципами и знаниями. В этой связи контекст ситуации – это «та реальность, которая в значительной мере диктует и предопределяет отбор мысли в сознании языковой личности» [4, с. 77] в определенный момент времени на определенном историческом отрезке действительности. Признаем также, что «языковая личность в ее феноменологической сущности является первичным значимым контекстом речемыслительной деятельности» (Там же). На этом основании полагаем, что речевое поведение в том или ином коммуникативном событии может быть объяснено не только одним уровнем (уровнем культуры, например), а совокупностью факторов, влияющих на процесс и результат коммуникации.

Например, В. Чуркин, представитель *высококонтекстной* культуры, в речи на заседании Совета Безопасности ООН демонстрирует прямой, а не имплицитный стиль коммуникации: четко обозначает и именуется конкретные события и факты (*агрессия Грузии; хочу напомнить; нам не хотелось бы думать, что Соединенные Штаты дали зеленый свет этим авантюристическим действиям грузинского руководства; категорически отвергаю*), дает прямую негативную оценку (*к сожалению; не смогли занять объективной позиции; опасная ситуация*). Для этого используются разнообразные языковые средства: модальные и оценочные слова (на уровне лексики); значителен удельный вес вопросительных предложений, предложений субъективной модальности (на уровне грамматики) и др.: *Как можно назвать эти действия грузинского руководства? Говорят, что агрессия – это понятие, которое применимо, только если одна сторона нападает на другую. А если агрессия ведется против собственного народа – что, это лучше?*

Необходимо отметить, что прямой стиль коммуникации оказывается наиболее результативным в высказываниях о важных политических событиях и решениях, в обнародовании гражданской позиции. Однако в штатных ситуациях общения в границах своей культуры российские политики чаще всего прибегают к тактике умалчивания, подмене тезиса, по Е.Н. За-

рецкой, формулируют свои высказывания по модели непрямого стиля общения (подробнее см. [3, с. 114 – 146]). В речи В. Чуркина, наоборот, прямой стиль коммуникации является доминантным, он выражает однозначную позицию участника коммуникативного события: *Я прямо хочу сказать, что “regime change” – это американская терминология. Мы этой терминологией не пользуемся.*

Прямой стиль коммуникации в речи З. Халилзада и И. Аласании ожидаем, т.к. участники события представляют политический курс США (*низкоконтекстная* культура): *Цель вашего правительства – смена режима в Грузии? Вы пытаетесь свергнуть демократически избранного президента, демократически избранное правительство?; Но я хочу повторить свой вопрос господину Чуркину. Он не ответил на мой вопрос. Цель России – смена руководства Грузии?* Однако прямая коммуникация выполняет также иную функцию – ограничивает выбор ответа партнера, навязывает ему определенную модель ответа «согласие (да)/ несогласие» (нет). Для этой цели избирается закрытый вопрос. Ответ В. Чуркина строится по модели непрямого стиля коммуникации, характерного для представителей *высококонтекстных* культур: *... иногда бывают случаи, когда лидеры, а некоторые из них, как мы знаем из истории, даже выбирались своими народами, бывает, лидеры приходят к власти и демократическим, и полудемократическим путем. Они становятся преградой для того, чтобы народ мог выйти из той или иной ситуации ... И в этих ситуациях некоторые лидеры принимают мужественное решение в отношении своего политического будущего.*

Наоборот, не прямой стиль общения представителей *низкоконтекстной* культуры (США) отмечается в речах кандидатов в президенты США Б. Обамы и Дж. Маккейна, произнесенных 26 и 15 сентября 2008 г. Так, на закрытый вопрос *Are each of you tonight willing to sit at this table and say to each other's face what your campaigns and the people in your campaigns have said about each other?* участники коммуникативного события отвечают: *Well, this has been a tough campaign. It's been a very tough campaign* (McCain); *Well, look, you know, I think that we expect presidential campaigns to be tough* (Obama). В речи Маккейна и Обамы доминируют тактики обвинения оппонента

и оправдания собственной позиции: *And, Senator Obama, you didn't repudiate those remarks. Every time there has been an out-of-bounds remark made by a Republican, no matter where you are, I have repudiated them...; I regret some of the negative aspects of both campaigns (McCain); I think that, if you look at the record and the impressions of the American people – Bob, your network just did a poll, showing that two-thirds of the American people think that Senator McCain is running a negative campaign versus one-third of mine; And there is nothing wrong with us having a vigorous debate like we are having tonight about health care, about energy policy, about tax policy. That is the stuff that campaigns should be made of (Obama).*

Непрямой стиль коммуникации встречается также в ответах сенаторов на вопрос о взаимоотношениях с Россией: *How do you see the relationship with Russia? Do you see them as a competitor? Do you see them as an enemy? Do you see them as a potential partner? (Lehrer).* Негативное отношение к России передается лексемами “very aggressive Russia”; “threat to the peace”; “KGB”: *Well, I think that given what has happened over the last several weeks and months, our entire Russian approach has to be evaluated, because a resurgent and very aggressive Russia is a threat to the peace and stability of the region ... (Obama); ... Russia committed serious aggression against Georgia. And Russia has now become a nation fueled by petro-dollars that is basically a KGB apparatus-run government (McCain).* Однако ответ на вопрос «Россия – соперник, Россия – враг, Россия – партнер?» оформляется имплицитно: *Now, we also can't return to a Cold War posture with respect to Russia. It's important that we recognize there are going to be some areas of common interest. One is nuclear proliferation (Obama); I don't believe we're going to go back to the Cold War. I am sure that that will not happen. But I do believe that we need to bolster our friends and allies (McCain).*

Следует отметить, что наряду с прямым стилем общения в речи участников коммуникации актуализируется прямой стиль. Тематика коммуникативного фрагмента, в котором наблюдается прямой стиль, как правило, нейтральна: *Are you going to vote for the plan, Senator McCain? (Lehrer); Sure (McCain); So, Senator McCain, do you agree with what Senator Obama just said? (Lehrer); No... (McCain).*

В заключение отметим, что примеры гибридизации стилей можно обнаружить

также в иных ситуациях общения: бытовом, институциональном и других дискурсах. Иными словами, ситуативная обусловленность коммуникации вообще и роль личности во всем многообразии ее проявлений и намерений в частности являются важными факторами, ставящими под сомнение возможность однозначной атрибуции коммуникативных стилей определенной культуры.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963.
2. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказываний // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования. М. : Наука, 1971. С. 78 – 96.
3. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ : Дело, 2001.
4. Карманова З.Я. Феноменология контекста // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. : Филология. Искусствоведение. 2009. № 39 (177). Вып. 38. С. 76 – 84.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М. : Наука, 1980.
6. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении : монография. М. : Флинта : Наука. 2009.
7. Куликова Л.В. Тип культуры и национальный коммуникативный стиль // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 62 – 70.
8. Мыркин В.Я. Типы контекстов: коммуникативный контекст // Филол. науки. 1978. №1. С. 95 – 100.
9. Dillely R. (Ed.). The Problem of Context. N.Y. – Oxford : Berghahn Books, 1999.
10. Hall E.T. Beyond Culture. Anchor Books Editions, 1989.
11. Halliday M.A.K., Hasan R. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective. Deakin University, 1994.
12. Hatim B., Mason I. Discourse and the translator. London; NY. : Longman, 1994.
13. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London : McGraw-Hill, 1991.
14. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life: Toward a Descriptive Theory // Intercultural Discourse and Communication: The Essential Readings. Kiesling S.F. and Paulston C.B. (Ed.). 2005. P. 4 – 16.
15. Scollon R., Scollon S.W. Intercultural Communication: A Discourse Approach. 2nd ed. Blackwell Publishing, 2001.

16. Ting-Toomey S. Communicating across Cultures. The Guilford Press, 1998.

Context as a communication style hybridization factor

There is regarded the problem of situational context consideration as a communication style hybridization factor in one and the same discourse field.

Key words: *context, communication style, direct / indirect communication.*

П.Н. МАГОМЕДГАДЖИЕВА
(Махачкала)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ТИПОВ СЛОВАРЕЙ
ИНОСТРАННЫХ СЛОВ**

Словари иностранных слов – активно развивающийся в последние годы и наиболее подвижный тип лексикографических изданий, способствующий более точному объяснению семантики и лучшему пониманию этимологии слова, что, в свою очередь, расширяет знания о языке и мире.

Ключевые слова: *язык, английский язык, лексика, заимствования, семантика, словарь иностранных слов, лексикография, издание.*

Наблюдения за процессом пополнения русского словарного фонда начались и продолжались одновременно с возникновением практики создания словарей. В русской лексикографической традиции словарь иностранных слов – один из давних жанров, прошедший долгий исторический путь до оформления в современном виде. Словарь иностранных слов, являясь разновидностью толкового словаря, имеет элементы энциклопедизма, способствующие более четкому и точному объяснению семантики и лучшему пониманию этимологии слова, что, в свою очередь, расширяет знания о языке и мире.

Начальный этап русской лексикографии связан с прообразом словарей иностранных слов. Первые азбуковники дава-

ли объяснения именно иноязычным словам. Их появление было вызвано практическими потребностями. В ранний период развития языка тексты памятников русской письменности включали лексику других языков. Естественно, по мере развития и распространения письменности все более ощущалась необходимость в раскрытии значения малознакомых слов, чтобы содержание произведения было доступно пониманию широкого круга читателей. «Бывают эпохи, когда слова появляются и исчезают с калейдоскопической быстротой ... Совершенно очевидно, что каждый культурный народ должен следить за изменениями в словаре своего языка», – писал Л.В. Щерба [6, с. 74]. Возникновение проблемы неологизмов связано с просветительской деятельностью Петра I и его преемников. Петровская эпоха сыграла важную роль в становлении русского литературного языка и стала поворотной в истории отечественной лексикографии. Наиболее активными, по сравнению с предшествующим временем, процессы лексических заимствований становятся в период правления Петра I. По наблюдениям исследователей, на этот период и 30-е годы приходится более половины заимствований всего XVIII в., отмечаются интенсивное развитие переводческой деятельности, изучение и преподавание иностранных языков в русских школах. Во многом появление иноязычных слов и интенсивность их применения вызваны были «стремлением отделить старые формы жизни и восприятие мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении сторонников и проводников Петровских реформ» [5, с. 44].

Попытка создать новый тип мышления нации, сломать традиционные стереотипы мировоззрения, преодолеть систему прежних нравственных и культурных ценностей, несомненно, должна была отразиться в лексике, а изменение ее элементов использовалось в качестве своеобразного орудия реформ. Вследствие этого появилась необходимость разъяснять широким кругам общества семантику лексических заимствований, и это выразилось в росте числа различных по оформлению лексикографических изданий. Одним из первых словарей такого рода является рус-